

Criminal law and ensuring the rule of law to combat crimes

V. M. Khomich¹

---

¹Scientific and Practical Center for the Problems of Strengthening of Law and Order of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, 76 Zakharova str., Minsk 220088, Belarus

---

Scientific article
Full text in Russian

In the article, from the standpoint of the need for the consistent integration of the rule of law into the criminal law control system of crime, an attempt is made to socially-legal understanding of the ongoing and necessary changes in the substantive and functional properties of modern criminal law. It is shown that under the conditions of globalization and social transformations, the social reproduction of inequality is preserved and, on this basis, the social field is objectively expanded for various kinds of old and new destructive deviations. However, criminal law should not be compared as the primary and basic tool in the fight against crime.

Key words: counteraction to crime; rule of law; human rights function of criminal law; criminal law control of crime; law formation criminology; criminology of crime and punishment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Khomich Vladimir M..	E-mail: ul.khomich@tut.by
	Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored lawyer of Belarus

Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности

В. М. Хомич¹

---

¹Научно-практический центр проблем укрепления правопорядка и законности Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, ул. Захарова, 76, Минск, 220088, Республика Беларусь

УДК 343

Научная статья

В статье с позиции необходимости последовательной интеграции верховенства права в систему уголовно-правового контроля преступности предпринята попытка социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений содержательно-функциональных свойства современного уголовного права. Показано, что в условиях глобализации и социальных трансформаций сохраняется социальное воспроизводство неравенства и на этой основе объективно расширяется социальное поле для различного рода старых и новых девиаций деструктивного характера. Тем не менее, уголовное право не следует уподоблять в качестве первейшего и основного инструментария в противодействии преступности.

Ключевые слова: противодействие преступности; верховенство права; правозащитная функция уголовного права; уголовно-правовой контроль преступности; криминология правообразования; криминология преступления и наказания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хомич Владимир Михайлович		E-mail: ul.khomich@tut.by Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, начальник информационно-методического отдела
---------------------------	--	--

Процесс формирования права и адекватных систем правовой коммуникации в истории человеческого сообщества никогда не был простым и социально безболезненным. К сожалению,

на рубеже XX и XXI веков (эпоха бурных социальных и технологических трансформаций, экономической и социальной нестабильности, развращающее обогащение меньшинства и деградирующее обнищание большинства) существенно обострились старые и появились новые факторы социально-экономического и социокультурного характера, имеющие самое непосредственное отношение к воспроизводству современной преступности. В развитии государственных и межгосударственных систем управления обеспечением безопасности наблюдаются ярко выраженные дезинтеграционные процессы, обусловленные разрушением прежнего, пусть и формального равенства, обезцениванием человеческого достоинства, дефицитом политико-правовой свободы как социальных ценностей, посредством которых обеспечивается и гарантируется воспроизводство права вофициальных законоположениях. На фоне международной интеграции социальных конфликтов и преступности (пьянство, наркомания, суицид, экстремизм, терроризм, преступность средств массовой коммуникации и киберпространства и т.д.) имманентно повышается и пропагандируется роль институтов публичной власти государства в обеспечении национальной безопасности, а, следовательно, и в правовой ее защите. Для государства самой простой формой социально-правового контроля за нежелательными социальными девиациями *становится* их криминализация на уровне публичных правонарушений и установление санкций-наказаний. В принципе в этом нет ничего предосудительного, если это делается ради сохранения жизни и здоровья людей *и общественных основ* их безопасности. Но все более можно наблюдать, как государства отходят от соблюдения этих уравнивающих правовых требований [1, с. 175; 2, с. 52-63], что и привело к так называемому кризису наказания и в целом к конфликту насилия в праве и в уголовном в особенности.

Дезинтеграционные процессы наблюдаются и в объективном уголовном праве (законе) и способных преодолению, по мнению некоторых теоретиков права, следует искать в повышении роли закона, а в интегративном поиске права в нормах закона, чем собственно должно заниматься правосудие [3, с. 6-7]. Однако, к сожалению, правосудие еще далеко и не всегда ориентируется на поиск интегративного права при разрешении социальных конфликтов криминального характера. Хотя требования равенства, свободы, справедливости и прописаны в нормах законов, заложены в принципах, которые сочетаются с требовани-

ями разумности, личной и общей пользы, но они лишены коммуникативной активности. В итоге мы получаем упрощенный формально-логический догматизм закона, но не права в системах правосудия по уголовным делам). Правосудиене настроено на поиск взаимной уравнивающей и сбалансированной ответственности тех, кто осуществляет этот уголовно-правовой контроль преступности и наказуемости и тех, кто ограничивается в свободе и в праве вследствие контроля в целях обеспечения безопасности.

Между тем, без сохранения и контролируемого обеспечения уголовном законе базовых свойств права при монополии государства на криминализацию и формирование санкционных механизмов воздействия на преступность и преступников *социальный контроль преступности* (за исключением традиционно общеуголовной) становится небезопасным для человека, общества и самого государства вследствие его безграничной хаотичности и неопределенности.

Поэтому правовой науке необходимо сконцентрировать усилия на сохранении человеческого (личного и общественного) потенциала свободы и справедливости в социальных системах организации человеческого бытия и особенно в системах уголовно-правового контроля. На повестке дня разработка *криминологического* (охранительного по содержанию и восстановительного по целям) законодательства в области организации социального контроля и предупреждения преступности. Оно должно, прежде всего, нормализовать отношения между государством и обществом по компетенционным вопросам криминализации и пенализации, а также относительно введения и допущения иных систем обеспечения безопасности от деликтов криминального свойства.

При всем многообразии подходов и теоретических взглядов на преступность ее исходные причины остаются неизменно прежними. Они коренятся в объективных и субъективных социально-экономических проблемах и противоречиях социальной жизни людей, с одной стороны, и в неспособности или нежелании публичной власти, с другой стороны, посредством правового регулирования и правового принуждения совместить экономический прогресс, частную собственность и частную инициативу с социальной защищенностью людей и консолидированной социальной справедливостью и равенством. Давно и неопровержимо доказано, что психологический настрой людей на принятие деструктивных форм поведения *нужно* «га-

силь» не уголовно-правовыми, а иными нормативами и на самых дальних подступах. Прежде, чем устанавливать уголовную ответственность за то или иное опасное деяние, общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей, и провоцируют их на совершение недозволенного [4, с. 6-7].

К сожалению, состояние большинства классических институтов уголовного права, призванных обеспечивать правовые начала в системе охранительных отношений в последнее время незаметно, а иногда даже под флагом либерализации уголовной ответственности, перестраивается вопреки объективно и социально заданным функциям уголовного права и его возможностям в противодействии преступности, равно как и иным социально-деструктивным формам социально-опасной деятельности. Законодательно-инновационных зигзагов на этом правовом поле предостаточно. Симптоматично, однако, то, что проявляется это, **прежде всего**, в принижении роли тех элементов права в уголовном праве, которые призваны формировать ограничительные правовые механизмы злоупотребления государством репрессивными началами уголовного права в поддержании социального правопорядка. По этой причине усложняется процесс социальной легитимации уголовно-правовых норм, а уголовно-правовое воздействие, основанное на таких нормах-запретах, не является эффективным.

Легитимность уголовного закона представляет не более как психологическое признание обычными людьми институтов и норм правовой реальности, относящихся к признанию того, что позитивное (объективное) законодательство относит к преступлению под угрозой применения наказания. Благодаря этому и обеспечивается разумный предел действия права вообще и социально-эффективное действие уголовного закона, а преступление и наказание наделяется признаками разумности и онтологической безопасности [5, с. 8-10].

В свою очередь вопрос о легитимации уголовного закона в силу заявленной его охранительной функции осложняется далеко непростым и однозначным социальным опытом публично-принудительного утверждения того, что должно быть преступлением и наказанием за него. Как заметил А.Э. Жалинский, уголовный закон легитимирует необходимое для общества на-

силе, а суть легитимности уголовного права состоит в уяснении вопроса о том, кто и за что, и на каком основании вправе подвергать граждан наказанию [6, с. 21]. Этот вопрос был и остается главным как никогда ранее.

Двадцатилетний период действия УК Республики Беларусь, который по целому ряду базовых позиций был ориентирован на легитимацию позитивных начал в уголовной политике, тем не менее, не стал существенным прорывом в их реализации. Об этом автор писал неоднократно и в различном контексте [7, с. 147 – 155; 8, с. 40 – 44]. Здесь пока коснемся только одной из причин, которая и обуславливает традиционно инфляционные процессы в системе уголовно-правовой защиты общества от реальных криминальных угроз и к тому же сопровождается злоупотреблением уголовно-правовым инструментарием в поддержании в обществе достойного правопорядка как важнейшего условия общественной и национальной безопасности. Эта причина заключается в том, что, как всегда, упускается следующее – вопрос о легитимности уголовного закона должен фокусироваться не на колебаниях интересов властвующих элит, а на интересах обеспечения достойной и безопасной жизни людей. В таком контексте и следует понимать и преступление, и наказание не только в уголовно-правовой и криминологической науке, но и в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применения, в том числе в системе и основания дифференциации уголовной ответственности.

Поэтому сегодня, как ни странно, задача состоит в том, чтобы ограничить объективное уголовное право (уголовный закон), его существование и использование в защите социального правопорядка **собственно правом** – не более как рациональной необходимостью и социальной справедливостью ответственности.

Не является безосновательным преувеличением утверждение, что процесс правотворчества в уголовном праве уже давно осуществляется по канонам волюнтаристских наскоков. Поэтому является настолько стремительным, что порой напоминает функционально-юридическую суету, своего рода опьянение растущими нормативными массивами, отодвинув в сторону процессы **социальной рационализации законов** и иных правовых актов на основе объективных законов социального прогресса.

Способствует этому и то, что в реальной правовой практике, в том числе и в уголовном судопроизводстве преобладает взгляд **на право и закон** как на сугубо **текстовые явления**.

Отсюда в совершенствовании объективного уголовного права теряются индивидуальное и общественное правосознание, игнорируются интересы большинства, социально конструктивные мотивы деятельности и многое другое, а это отрицательно сказывается на состоянии законности и правопорядка, сдерживает социальное развитие общества и государства [9, с. 7]. Причина этому одна – в законотворчестве и правоприменении преадаётся забвению истинное социальное предназначение уголовного права как вынужденной и исключительно императивно-принудительной правовой защиты человека и человеческого достоинства от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности. В свою очередь уголовно-правовая наука настолько приземлилась в этом, толи по причине оправданного консерватизма, толи «гибкого» приспособленчества, что предпочла для себя безропотно обслуживать уголовно-правовую политику, не обращаясь к вопросам ее социальной неэффективности, неопределенности и небезопасности для сохранения и укрепления правопорядка.

Главной проблемой всего комплекса законодательства в области противодействия преступности является постоянно обостряемая проблема избыточности уголовно-правовой защиты, пропаганда монополизма публичных видов ответственности в разрешении далеко не всегда публичных социальных конфликтов и проблем. Отсюда наблюдаемый недостаточный уровень интеграции правовых начал, более того, их снижение в правообразовании, правоприменении и в практиках деятельности органов юстиции в реализации правовых стандартов в уголовной политике.

На первый план сегодня вышли, в том числе и в уголовном праве, вопросы пересмотра баланса публичных и частных интересов по всем объектам и направлениям правового регулирования, доверия граждан к действиям государства, стабильность гражданского оборота и социально-экономических прав и свобод человека, пределы ограничения права собственности и иных прав человека вообще, в том числе и в контексте обеспечения общественной и национальной безопасности. В уголовном праве симптомы этих проблемных вопросов заключены в продолжающемся кризисе наказания, в неадекватной и несбалансированной с фундаментальными интересами человека криминализации, чрезмерной коммерциализации публичных видов правовой ответственности, абсолютизации и злоупотреблению уголовно-пра-

вовыми средствами защиты систем национальной безопасности. Ни одна из этих проблем современности не может быть разрешена сугубо легистскими подходами, тем более посредством введения на законодательном уровне уголовно-правовых запретов, точнее, – только нормативными установлениями органов, которые занимают господствующее политическое положение в системе официального правообразования и правоприменения.

Очень важно сегодня в формировании позитивного уголовного права иметь в виду, что «вмешательство» в право посредством введения уголовного запрета под угрозой уголовной ответственности и наказания должно устанавливаться «справедливое равновесие» между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав индивидуального лица. Должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми государством уголовно-правовыми средствами для обеспечения социальной безопасности и поддержания еестабильности и целью преследуемой применяемой мерой, которая лишает человека определенных прав. Уголовное право, как и всякое право, должно соотноситься со справедливостью и равенством, иначе оно утрачивает свое естественно-правовое предназначение. Об этом не должен забывать законодатель. Взять хотя бы не так давно последовавшие в Республике Беларусь изменения в уголовном законодательстве об ответственности за незаконный оборот наркотиков или дискуссию о либерализации системы уголовной противоправности деликтов в области занятия предпринимательской деятельностью, чрезмерную на уровне методического пособия криминализацию форм проявления экстремистской и террористической деятельности. Подобные зигзаги характерны и для уголовной политики России.

В поиске истины уголовного права, не смотря на его специфику, следует исходить из интегративного анализа и характеристики его правового предназначения, при этом в гораздо большей степени, чем в отношении иных систем правового регулирования. Важно учитывать и то, что «правовое содержание» уголовного права в силу его социального предназначения как радикального, но *правозащитного средства* от общественно опасных проявлений человека не сводится только к общему признанию взаимосвязи трех его общих атрибутов в виде свободы, равенства и справедливости, а представляет собой воплощение требований соблюдения определенной степени и ответственной

свободы, и ответственного равенства, и ответственной справедливости во всех формах проявления, в том числе и в процессе правообразования, криминализации, квалификации, уголовном преследовании и собственно в правосудии.

Наиболее чувствительная для человеческого измерения сегодня область права связана с потребностью поиска модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. Это продиктованопродолжающейся его неэффективностью и чрезмерной репрессивностью, а также неспособностью государства методами как мягкой, так и жесткой правовой регуляции обеспечить сбалансированные интересы бизнеса, экономическую безопасность и социальное благосостояние людей.

Хотя сегодня нашим интересам отвечает сохранение публично-правового режима обеспечения экономической безопасности государства, тем не менее, интегративный подход в уголовной политике противодействия экономическим преступлениям все-таки должен быть сбалансирован и заключается в том, что либерализация должна быть общей, а не избирательной, сопровождаться структурными *реформами уголовно-правовой системы на стандартах правовой демократизации экономической деятельности с ориентацией этой деятельности на общесоциальное благосостояние народа.*

И еще – одним из главных факторов современной преступности сегодня является ее коррупциогенный фон выражения, проявляющийся, с одной стороны, в рукотворном несовершенстве системы жизнеобеспечения основной части населения как на национальном, так и международном уровнях, а, с другой стороны, осознанием этого обстоятельства все большим числом людей, желающих жить в этих условиях лучше, чем предполагается действующей системой социального распределения совокупного продукта общества. Вот в этом моменте сегодня вся современная систематика криминологии преступности и обусловленная этим неустойчивость и неэффективность уголовного права и уголовной ответственности. Ясно, что только уголовными средствами и ужесточением уголовной ответственности остановить расширенное воспроизводство коррупционной, экономической и связанной с ней общеуголовной преступности уже вряд ли возможно.

Да, есть более глубинные причины современного воспроизводства преступности. Но, современный социально-нравственный «камертон» использования позитивного права явно не-

достаточен для того, чтобы остановить действие этих причин. Вследствие этого уголовный закон, как отмечает известный российский криминолог И.Я. Козаченко, также не настроен на преодоление глубинных причин воспроизводства социальной несправедливости и, следовательно, преступности, а всего лишь на поверхностные экономические и социальные ее колебания либо напряжения политического характера [6, с. 5].

Демонстрируемый отечественной доктриной и правоприменительной практикой догматический позитивизм в оценке преступления и наказания, позиционирующий приоритет человека только через призму сложного и трудно воспринимаемого механизма **приоритетов государства**, уже не срабатывает, в том числе и в практиках осуществления судебно-уголовной политики. Характеризуя современную антикриминальную политику России Д.А. Шестаков справедливо обращает внимание на то, что следует «отличать надлежащие от преследуемых в действительной российской жизни цели политики противодействия преступности.

На деле сегодняшняя политика ответа на преступность в России, поддерживая баланс между внутренним и внешним общественным мнением, преследует цели:

поддержания минимального порядка на обыденном уровне преступности и

сбережения от ответственности воровогачей («олигархов»), с которыми власть связана общими интересами» [10, с. 9].

Чтобы сохранить мир и спокойствие в современных обществах и обеспечивать человеческий прогресс, необходим *ответственный и дифференцированный* социально-правовой контроль преступности. И не только со стороны институтов публичной власти в отношении гражданского общества (граждан), но и в отношении институтов публичной власти. И не только в контексте предупреждения социально опасного поведения, но и в оценке того, что опасно для социальной системы, и какая санкция и мера защиты должна быть предпринята для этого (сохранения общественного спокойствия и человеческого достоинства).

Что же делать? Думаю, надо вернуться к истинно правовым истокам уголовного права. Не надо задаваться риторическим вопросом, есть ли сегодня настоящая потребность в философском переосмыслении функциональных возможностей и содержательных положений уголовного права. Есть! Это всего лишь и не более как возрождение философского знания в качестве

материальной и методологической основы для необходимой переоценки и изменения содержательной и функциональной направленности уголовного права в противодействии преступности. Философия права не отвергает юридический позитивизм, а все-лишь обращает внимание на его ограниченность и недостаточность, поскольку он определяет истинность права (уголовного права) с позиции силы права (права принуждения), с позиции *догмы нормы закона* в ущерб реальному праву. И тем самым вольно или не вольно, но блокирует личный и общий интерес человека в системе регулятивного и охранительно-правового функционирования. Нет ничего опасного в том, что философия уголовного права предлагает ради сохранения уголовного права сместить крен его познания и применения с позиции преступления как *деяния* на интересы *человека как деятеля* преступления. Такая модель понимания уголовного права и его применения будет приемлема и понятна не только для государства и его институтов, но и человека, и человеческого сообщества. Самое главное она будет более эффективной.

Надо учитывать и то, что сегодня обществом дается оценка права, правоприменения, правосудия, правоприменительной деятельности по иной системе социальных координат. Элементы правового просвещения и воспитания, правовой пропаганды перестали восприниматься на культовом почитании, поскольку реальная практика не подтверждает реальное действие права в системе коммуникации людей, социальных групп, государственных и межгосударственных образований. Времена, когда право и культ его почитания были нераздельны, давно ушло, а современная действительность лишь подтверждает худшие прогнозы этого разделения. Право объективируется только в реальном действии, в реальном его использовании в соответствии с его правовым содержанием, а не в застывших нормативах законоположений, которые не востребованы, не применяются вообще *либо применяются избирательно*. Поэтому для теоретиков и практикующих юристов необходимо, прежде всего, исключать внутрикультурные противоречия в праве, *особенно действие права по принципу самозащиты*. При этом следует учитывать, что резервы повышения эффективности права путем введения запретов, обременений, усиления штрафных видов ответственности без должного развития компенсационных типов правового регулирования исчерпаны.

Убежден, что наука уголовного права только тогда добивалась успехов в позитивном разрешении сложных и проблемных полей и конфликтов социального взаимодействия общественных и политических институтов во благо человеческого прогресса, когда в непрерывной смене явлений могла рассмотреть действие объективных закономерностей, управляющих формированием таких сложных социально-правовых конструктов как преступление и уголовная ответственность (наказание).

ССЫЛКИ

1. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. 478 с.
2. Скобликов П. А. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ: еще ближе к гуманности, еще дальше от справедливости // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 52–63.
3. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5-18.
4. Козаченко И. Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности: Основной доклад XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева (Екатеринбург, 16-17 февраля 2017 года). Екатеринбург, 2017. 15 с.
5. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2019. 496 с.
6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2 изд., перераб. и доп. М., 2009. 400 с.
7. Хомич В.М. Неоправдавшиеся надежды уголовной политики в постреформенный период // Экономика и преступность: сб. материалов междунар. научн.-практич. конф., 28-29 мая 2012 г. СПб., 2012. С. 147–154.
8. Хомич В.М. Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития: сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2 / гл. ред. – С.Е. Чебуранова. Гродно, 2018. С. 40-43.
9. Тихомиров Ю.В. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 5-20.
10. Шестаков Д.А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. СПб., 2019. 206 с.